

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ СУБЪЕКТА

Что такое опыт? Согласно «Критике чистого разума» Канта опыт есть главный продукт нашего ума. «В философии опыт является основой всего непонятного знания о действительности» (Философский энциклопедический словарь, 2010). В самом общем виде в науке опытом называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них. В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. В частности, «в экзистенциальной философии опыт понимается как глубинное знание, которое рождается в корне экзистенции в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества» (Калужная, 2009).

Среди многообразия изучаемых психологами видов опыта - субъектного, личностного, ментального, жизненного и других (Кибальченко, 2013) - экзистенциальный занимает особое положение. С одной стороны, для ученых, осмысливающих содержание этого феномена, ясно видна его недостаточная изученность, научная категоризация, с другой – несомненно, важная роль в человеческом бытии.

Перечислю очевидные, уже известные из научной литературы признаки экзистенциального опыта.

1. Содержательная структура экзистенциального опыта состоит, по меньшей мере, из трех составляющих. *Первый* компонент опыта – тезаурусный. Он состоит из неявного знания, которое характеризует принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. *Второй* компонент опыта – интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. Непременным атрибутом интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни оказываются переживания. Отсутствие переживаний порождает феномен «отчуждения своего опыта», заключающийся в том, что отдельные прожитые эпизоды не становятся событиями жизни. Этот феномен в начале 1990-х был исследован на материале осознания своего опыта детьми из семей и из детского дома (Смирнова Е.О., Лагутина А.Е., 1991). Наконец, *третий* компонент экзистенциального опыта – этический. Общность взглядов на моральное долженствование

объединяла основателей психологии человеческого бытия – С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. С их точки зрения представления о должном у субъекта воплощаются в таком морально-нравственном императиве, который регулирует его понимание сути подлинно человеческого отношения к себе и другим.

2. С позиций психологии человеческого бытия принципиально важным является различение *обыденного*, повседневного и *экзистенциального* видов опыта субъекта. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является *метасистемным*. Перефразируя А.В. Карпова (Карпов А.В., 2004), можно сказать, что это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко *не все* повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых *изменился его внутренний мир*. Экзистенциальный опыт субъекта это и есть совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» (Сапогова Е.Е., 2013). Наиболее важен при этом субъективный *способ* определения самого значимого, ценного для субъекта. События и ситуации человеческого бытия могут быть оценены субъектом либо как привычные, либо как критические, резко отличающиеся от повседневных, например, аборты, теракты и многое другое.

3. Экзистенциальный опыт состоит из опыта не только *своего*, но и *чужого*. В различных научных областях систематизация знаний осуществляется по принципу от частного к общему. В тезаурусной концепции организации субъектного знания его упорядочение и придание ему ценностно-смысловой наполненности происходит иначе. Оно идет в направлении различения своего, чужого (пока не своего, но потенциально способного стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах (Луков Вал.А., Луков В.А., 2008). Эмпирические подтверждения этого нетрудно обнаружить в психологии бытия и со-бытия личности (Рябикина З.И., 2013).

4. Экзистенциальный опыт включает в себя не только отражение и порождение социокультурных ситуаций, но и проживание субъекта в них. В научном исследовании знание соотносится, главным образом, с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями (Фахрутдинова Л.Р., 2013).

Экзистенциальный опыт это всегда такой «опыт проживания экзистенциальных проблем» (Гришина Н.В., 2013), который основан на их внепонятийном постижении.

5. Экзистенциальный опыт как психологический процесс и результат его формирования неизбежно включает в себя постижение. Понимать можно и простое и сложное, а постигать – только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, но тем не менее непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

Решения, принимаемые нами в трудных экзистенциальных ситуациях (предпочтение своих эгоистических интересов в ущерб долгу или уже данным обещаниям, моральные сомнения в необходимости обнародования неприглядного поступка друга и т.п.), основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении. При этом оказывается, что «из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность *как таковую*, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» (Анкерсмит Ф., 2007). Экзистенциальный опыт объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то убеждены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения.

Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и *объективно непостижимые* для субъекта области. Мэр мегаполиса не может иметь достоверной информации о техническом состоянии всех коммуникаций в городе, директор АЭС – о всех процессах в ядерном реакторе, работники спецслужб – о всех готовящихся терактах. Человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание об этих реальностях можно характеризовать или как «непостижимое в себе», или как «непостижимое для нас» (Франк С.Л., 2007).

В первом случае непостижимость возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях. Кроме того, в любой момент времени бытие потенциально содержит уже то, чем оно станет в следующий. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, что оно еще не есть. Неудивительно, что в таком качестве «реальность не только неуловима в понятии, она и не доступна созерцанию; она не может быть усмотрена – она может быть лишь пережита» (Франк С.Л., 2007). Хочу обратить внимание на то, что «непостижимое в себе» С.Л. Франка

как скрытое, недостижимое, лишь искомое явным образом перекликается с искомым, неизвестным в процессе мышления, которое, по А.В. Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи (Брушлинский А.В., 2006).

Таким образом, непостижимость самой реальности это один из атрибутов бытия.

Во втором случае «непостижимое для нас» оказывается закономерным следствием человеческой психологии. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, мы имеем дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский. Иначе говоря, непостижимости предмета своего исследования.

Такое интеллектуальное состояние хорошо известно, например, тем из нас, кто занимался проблемой самопонимания субъекта. Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей (Cook-Greuter S.R., 1994) свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности. На высшем автономном уровне самопонимания рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса реструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной «мысли» и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения. В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания стремление к постоянству собственной индивидуальности - это невозможная и ненужная мечта.

По существу осознание «непостижимого для нас» означает признание того, что некоторые стороны нашего экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании.

6. Неустранимой составляющей экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и тайна. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании бессмысленности усилий, направленных на ее раскрытие, разоблачение. Это ясно видно, например, из исследования А.А. Пузыревым анализа Л.С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей А.А., 2005).

Тайна есть неустранимый и, подчеркиваю, *непроблемный* контекст действительности, который не только нельзя осознать, но часто и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что нельзя к непостижимому и таинственному подходить так же, как к решению познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие (Брушлинский А.В., 2006; Тихомиров О.К., 1984). В непостижимом и таинственном не может быть противоречий, потому что они по своей природе не аналитичны, а холистичны. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотъемлемы от нее как целого.